

УДК 81.42

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ФЕНОМЕНОВ В «АНТИСКАЗКАХ» В. С. ВЫСОЦКОГО КАК ОДИН ИЗ СПОСОБОВ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОТРАЖЕНИЯ «СОВЕТСКОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ»

И. И. Чумак-Жунь
Д. А. Попкова

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

e-mail:
Chumak@edu.bsu.ru
Dashuni44ka@mail.ru

В статье рассматривается сущность конфликта дискурса власти и поэтического дискурса В. С. Высоцкого. Анализ внутритекстовых ситуаций, представленных в сказках поэта, дает основание утверждать, что в сказках (антисказках) В. С. Высоцкого реализуется своеобразная проекция внешней политической ситуации на ситуацию внутритекстовую. Лингвистические трансформации прецедентных «сказочных» феноменов являются одним из способов критического отражения советской действительности.

Ключевые слова: поэтический дискурс, внутритекстовая ситуация, антисказка, прецедентные феномены.

Для понимания сущности конфликта дискурса власти и поэтического дискурса В. С. Высоцкого целесообразно обратиться к понятию «внутритекстовая ситуация», так как именно специфика изображенной в поэтическом тексте Высоцкого ситуации нередко провоцировала названный конфликт. Уникальная и неповторимая событийность поэтического текста соотносима с ситуацией обычного общения. Понятие «ситуация» достаточно амбивалентно, обладает множеством самых разнообразных толкований в современной лингвистике (детальный обзор см., напр., в [1, с. 113 – 131]). Для нашего исследования важно, что ситуация может пониматься и как внутритекстовый феномен – фрагмент объективной действительности, с которым соотнесено референциальное содержание высказывания (ситуация в данном случае интерпретируется с позиции семантики), и как феномен коммуникативный (если ситуация рассматривается с точки зрения прагматики). Для того чтобы разграничить эти подходы, имеет смысл использовать термины внутритекстовая (референтная) ситуация и внешняя коммуникативная (дискурсивная) ситуация [2, с. 37 – 38].

С точки зрения дискурсивного анализа поэтического текста, внутритекстовая (референтная) ситуация как фрагмент объективной действительности, с которым соотнесено референциальное содержание высказывания, является одним из параметров внешней коммуникативной ситуации [3]. Так, референтные ситуации, отраженные в стихотворениях В. С. Высоцкого (*Если друг оказался вдруг И не друг и не враг, а так... Если сразу не разберешь, Плох он и ли хорош, или – Ох, какая же ты близкая и ласковая, Альпинистка моя, скалолазка моя!*), являются составляющими стандартной дискурсивной ситуации речепорождения и речевосприятия этих текстов. Предметом изображения внутритекстовой ситуации может являться и внешняя коммуникативная ситуация. Ср. в стихотворении «Я к Вам пишу»: *Найдя стократно вытертые ленты, Вы хрип мой разбирали по слогам, Так дай же бог, мои корреспонденты, И сил в руках, да и удачи вам!*

Следует заметить, что для поэтического текста с его конкретно-обобщенным значением характерна своеобразная референциальная отнесенность к действительности. «Стихотворная форма речи постулирует понимание истинности относительно модуса собственно языкового существования, лишая прагматические переменные высказывания внешней семантической соотнесенности и переводя конкретно-референтный статус ситуации на уровень обобщения, сопоставимый с научной формой представления о мире, но при этом сохраняющий условия конкретности» [4].

Тексты В. В. Высоцкого так же, как и любые поэтические тексты, обладают множественной референциальной соотнесенностью, т.е., каждый из этих текстов можно отнести как к конкретной ситуации, так и к классу ситуаций. Однако в отличие от большинства лирических миниатюр других поэтов, в которых абстрактный герой изображается в абстрактном же континууме («Я Вас любил...» А. С. Пушкина, «Вот опять окно, там опять не спят...» М. И. Цветаевой и т.д.), вполне узнаваемый герой В. С. Высоцкого существует во вполне конкретном времени и пространстве. И маркируется это пространство чаще всего как время и

пространство, в котором живет поэт, то есть время и пространство Советского Союза. Его описания действительности лишены тех черт, которые пропагандировались советской идеологией, и именно это свойство поэтических текстов поэта было неудобно политическому дискурсу.

В текстах Высоцкого реализуется своеобразная «проекция» внешней ситуации на ситуацию внутритекстовую. Это особенно отчетливо проявляется на примере такого популярного в поэзии В. Высоцкого жанра, как сказка.

Сказка является особого типа текстом, в котором реализуется связь мифического и сакрального. Она обладает рядом специфических – композиционных и стилистических – особенностей, свойственных только этому типу текста, как он сложился исторически, и определявших устную форму распространения и бытования сказки. К числу неповторимых, своеобразных особенностей относятся: употребление традиционных стилистических тропов, стандартных зачинов и концовок, повторяемость эпизодов. Волшебные сказки строятся, как правило, по схемам, особенности которых выделил В.Я. Пропп: «Это тот жанр сказок, который начинается с нанесения какого-либо ущерба или вреда (похищение, изгнание и др.) или с желания иметь что-либо (царь посылает сына за жар-птицей) и развивается через отправку героя из дома, встречу с дарителем, который дарит ему волшебное средство или помощника, при помощи которого предмет поисков находится. В дальнейшем сказка дает поединок с противником (важнейшая форма его – змееборство), возвращение и погоню» [5, с. 114].

Сказка обязательно предполагает сказочного героя, особое сказочное время и сказочное пространство. Большинство сказок является прецедентными текстами, хорошо известными читателям с детства. Эти прецедентные тексты в поэзии трансформируются, из-за чего сказка в творчестве В. С. Высоцкого превращается в антисказку. Его сказка облечена в стихотворную форму, причем некоторые стихотворения поэта прямо маркированы как сказки (Песня-сказка о нечисти; Песня-сказка о старом доме на Новом Арбате; Лукоморья больше нет. Антисказка; и др.), другие включают аллюзии к сказкам: Лежит камень в степи; Дурачина-простофиля; Песня Соловья-разбойника и др.

Трансформации в поэзии Высоцкого претерпевают все типы прецедентных феноменов, которые выделяют современные исследователи (прецедентные тексты, прецедентные имена, прецедентные высказывания, прецедентные ситуации).

1. Трансформации на уровне прецедентного текста.

«Прецедентный текст – законченный и самодостаточный продукт речемыслительной деятельности, (поли)предикативная единица; сложный знак, сумма значений компонентов которого не равна его смыслу; он хорошо знаком любому среднему члену лингвокультурного сообщества, в когнитивную базу которого входит инвариант его восприятия, обращение к нему многократно возобновляется в процессе коммуникации через связанные с этим текстом высказывания и символы» [6, с. 83].

Одной из самых известных трансформаций прецедентных текстов является антисказка «Лукоморья больше нет». Читатель знает оригинал, на который опирался В.С.Высоцкий, – фрагмент из поэмы А. С. Пушкина «Руслан и Людмила». Описание внутритекстовой ситуации у В. С. Высоцкого строится на приеме отрицания. Уже в первых строках дважды повторяется отрицательное слово *нет*: *Лукоморья больше нет, от дубов простыл и след. – Дуб годится на паркет, – так ведь нет.* Отрицание в различных грамматических формах (отрицательное слово *нет*, отрицательная частица *не*, слова с приставкой *не*) неоднократно встречается в тексте: *Каждый взял себе надел – Кур завел – и в ем сидел, Охраняя свой удел **Не у дел**; И Русалка - вот дела! – Честь **недолго** берегла – И однажды, как могла, родила, – Тридцать три же мужика **Не желают** знать сынка, – Пусть считается пока – сын полка.* Отрицание выражено и имплицитно (*от дубов простыл и след, дом спалил, цепь золотую снес в торгсин*).

Завершается стихотворение фрагментом, в котором отрицательные формы нагнетаются и позволяют сделать вывод – *Все, о чем писал поэт – это бред:*

*И невиданных зверей,
Дичи всякой – **нету** ей:
Понаехало за ей
егерей...*

*В общем, значит, **не секрет**:
Лукоморья больше **нет**, –
Все, про что писал поэт,
это – бред.*

*Ты уймись, уймись, тоска, –
Душу мне не рань!
Раз уж это присказка –
Значит, сказка – дрянь.*

Последнее четверостишие, наряду с повторяющимися рефреном четверостишиями *Ты уймись, уймись, тоска у меня. Это только присказка, сказка впереди*, предает мысль о разрушении идиллии и гармонии в реальном мире

Еще один прием, разрушающий сказочные каноны в тексте В.С.Высоцкого, условно можно назвать «вульгаризацией». Назовем основные способы, при помощи которых реализуется этот прием:

1. Пушкинские номинации героев не используются вообще (*прекрасные витязи, морской дядька*), в антисказке используются грубо-просторечные отрицательно-коннотированные формы (*здоровенные жлобы*) или уточняющие лексемы соответствующей окрашенности: *ученый кот – это ученый сукин сын, который цепь золотую снес в торгсин*.

2. Номинации пушкинских сказочных героев используются, но если персонажи пушкинского текста – сказочные, романтические герои, а их имена в тексте Высоцкого те же персонажи приобретают вполне человеческие, но очень неприятные черты, а имена, соответственно, под влиянием контекста, коннотированы отрицательно.

3. Текстовая ситуация приобретает пространственно-бытовые характеристики своего времени, причем конкретный хронотоп текста маркирован не только эксплицитно (*дача под Москвой, торгсин – всесоюзное объединение по торговле с иностранцами*), но и через косвенные лингвистические признаки. Так, лексемы *дуб* и *избушка на курьих ножках* в пушкинском тексте – яркие приметы сказочного хронотопа, в тексте Высоцкого эти же слова используются во множественном числе, что в данном случае меняет абстрактное время и пространство на конкретное: *Порубили все дубы на гробы; Распрекрасно жить в домах на куриных на ногах* (ассоциация с масштабными строительными работами в советское время, когда возводились именно такие строения). Переводит читателей из сказочного мира в мир современности и история ученого кота: *Как-то раз за божий дар получил он гонорар: В Лукоморье перегар на гектар. Но хватил его удар. Чтоб избежать божьих кар, Кот диктует про татар мемуар*. Ставшее устойчивым выражение *перегар на гектар* заставляет вспомнить алкогольную проблему в Советском Союзе и последовавшие за ней антиалкогольные кампании.

4. Использование просторечной и бранной лексики: *перегар, подпоить, загнуть анекдот, ихний, тикать* (в значении убежать), *запрошлый* (год), *понаехало, издаля, жлоб, дрянь, старый хрыч, ах ты тля*.

Все эти способы указывают на намеренное опрошение стиля у В.С. Высоцкого, а изменения прецедентной ситуации в сравнении с прецедентным источником отражают изменения во внешней дискурсивной среде. Таким образом, трансформация прецедентного текста как самодостаточного и сформированного в сознании адресата продукта дает возможность завуалировано выразить неприятие нового уклада жизни и тем самым провоцирует дискурсивный конфликт.

2. Трансформации на уровне прецедентного имени.

Основным маркером прецедентности в стихотворении В.С. Высоцкого является прецедентное имя. Используя прецедентные имена, поэт апеллирует к читателю, к его знаниям сказок и представлениям о них. Как показывают исследования, в когнитивной базе читателя хранится, во-первых, сам вербальный феномен (прецедентное имя); во-вторых, то, что за ним стоит и что, собственно, и делает его прецедентным, т. е. совокупность дифференциальных признаков и атрибутов.

Прецедентные имена сказочных героев имеют однозначно маркированную коннотацию (положительную или отрицательную). Для того чтобы определить специфику употребления и понимания этих имен в текстах В. С. Высоцкого, имеет смысл обратиться к схеме прецедентного имени, которую предлагают в своей работе В. В. Красных, И. В. Захаренко, Д. Б. Гудков. Ученые отмечают, что прецедентное имя обладает определенной структурой, ядро инварианта восприятия прецедентного имени составляют дифференциальные признаки, а его периферию – атрибуты. Таким образом, восприятие прецедентного имени происходит по следующему схеме [6, с. 89]:

1. Дифференциальные признаки:

- 1) внешность;
- 2) характер;
- 3) прецедентная ситуация.

II. Атрибуты.

III. Потенциально возможные индивидуальные представления и знания о прецедентном имени.

В творчестве В. С. Высоцкого трансформация прецедентного имени происходит на всех указанных уровнях и выполняет функцию развенчания сказочного мифологического героя, «опрошение» его до бытового уровня, соотносимого с существующим советским укладом. Так в «Песне-сказке про джина» герой *Вспомнил детский детектив - старика Хоттабыча...* В когнитивной базе адресата Старик Хоттабыч – это герой одноименной сказки Л. Лагина. Прецедентное имя Старик Хоттабыч в сознании читателя имеет следующие дифференциальные смыслы: внешность – «старичок с бородой», возможности – «могущественный», характер – «добрый», ситуация – «джин возникает из бутылки и помогает пионеру Вольке». В стихотворении В. Высоцкого трансформируется внешность – *А оно зеленое, пахучее, противное – Прыгало по комнате, ходило ходуном; возможности – И кроме мордобитиев – никаких чудес; ситуация появления героя – Я решил попробовать, бутылку взял открыл – Вдруг оттуда вылезло, что-то непотребное – Может быть зеленый змий, а может крокодил.* Положительное восприятие героя сказки Лагина меняется на крайне отрицательное восприятие джина Высоцкого, которое обусловлено использованием в его описании лексики, имеющей в контексте отрицательную коннотацию (*противное, нечто непотребное, зеленый змий, крокодил*). В финале стихотворения Старик Хоттабыч попадает *из бутылки в Бутырку* (самую крупную тюрьму в столице), причем увозит его милиция *на Черном воронке*, совсем не сказочном средстве передвижения. Советские реалии подчеркивают полное отсутствие в реальном времени-пространстве возможности волшебного и сказочного. Вся окружающая героя действительность – замкнутое пространство, невозможность выхода из которого подчеркивается (пусть и в шуточной форме) сложноподчиненным предложением с придаточным условия *И если был у меня времени хотя бы час Я бы дворников позвал, с метлами, а тут...* Такое описание «светлой советской действительности» не могло вызвать положительной оценки дискурса власти.

3. Трансформации на уровне прецедентной ситуации.

Под прецедентной ситуацией мы понимаем ситуацию-эталон, связанную с определенными представлениями и эмоциями [6, с. 83]. Так, в стихотворении «Лежит камень в степи» В. С. Высоцким используется традиционная сказочная ситуация распутия, узнаваемая уже по первой строчке через словосочетание *камень в степи*, под который, по заявлению автора, *вода течет*. То есть уже в начале текста сказка позиционирована как антисказка. В. С. Высоцкий выражает этот переход сюжета через трансформацию известного фразеологизма «под лежащий камень вода не течет», означающего невозможность получения результата без приложения определенных усилий. В антисказке В. С. Высоцкого, где вода течет под лежащий камень, законы народной мудрости не действуют. Видимо, именно поэтому сказочный дурак у Высоцкого *«Долго ль, коротко ль шагал – И совсем не страдал, Пил, гулял и отдыхал...»*. В сказке такая внутритекстовая ситуация просто невозможна, а вот в современном мире, где дураку открыты все дороги, даже к власти, такие события, к сожалению автора, обычны.

Лежит камень в степи, а под него вода течет.

И на камне написано слово:

Кто направо пойдет - ничего не найдет,

А кто прямо пойдет - никуда не придет,

Кто налево пойдет - ничего не поймет

И ни за грош пропадет.

Дифференциальные признаки данной прецедентной ситуации можно обозначить следующими лексемами: *развилка, камень, выбор*. Для создания антисказки поэт разрушает сюжетный канон, используя уже отмеченный нами выше прием отрицания: **ничего не найдет, никуда не придет, ничего не поймет**. Причем герои у В. С. Высоцкого *стоят без коней и без мечей*, традиционных атрибутов сказочного воина, попавшего в ситуацию распутия.

Дискурсивный конфликт, вызванный «замаскированным» в пространстве антисказки несогласием поэта с политикой дискурса власти, обнаруживается и в особом приеме

соединения двух тематических групп – «сказочный мир» и «идеологический мир». Рассмотрим этот прием на примере «Песни-сказки о нечисти». В тематическую группу «сказочный мир» входят как отдельные лексемы, представленные и собственными, и нарицательными именами существительными (*Змей Горыныч, нечисть, Вампир, бесы, ад*), так и словосочетания (*дремучий лес, заколдованное болото, буйный пир*). В тексте В. С. Высоцкого происходит контаминация этих групп, вплоть до их слияния. Например,

*Соловей-разбойник главный
им устроил буйный пир,
А от них был Змей трехглавый
и слуга его - Вампир, -
Пили зелье в черепах, ели бульники,
Танцевали на гробах, богохульники!*

Имена собственные *Змей трехглавый, Соловей-разбойник, Вампир*, словосочетание *буйный пир*, лексема *зелье* несомненно относятся к тематической группе «волшебный мир». В контексте же самой прецедентной ситуации «обмена опытом», традиционной для русского читателя еще с петровских времен, но особенно популярной в советские времена, а также в ситуации приема иностранных делегаций, данные лингвистические средства становятся частью тематической группы «идеологический мир», хоть и переносятся туда ассоциативно. Принадлежность героев текста к идеологической жизни Советского Союза подчеркивается и лексемой *богохульники*, ведь атеизм в СССР был неформальным элементом государственной идеологии. Известно высказывание Ленина о борьбе с религией: «Мы должны бороться с религией. Это — азбука всего материализма и, следовательно, марксизма. Но марксизм не есть материализм, остановившийся на азбуке. Марксизм идет дальше. Он говорит: надо уметь бороться с религией, а для этого надо материалистически объяснить источник веры и религии у масс» [7, с. 418].

Антинаправленность сказок В. С. Высоцкого проявляется и лингвистически: в тексте появляются лексемы с разговорной окраской, такие как *ошиваться, волоочь, зверюга*, просторечие *убег*, а также лексемы, которые находятся за пределами литературной нормы – глагол *победю* (в литературном языке глагол победить не имеет формы будущего времени), *матерь вашу*. Тот же просторечный стиль использует поэт при описании пропавших в дремучих лесах людей, которое в сознании читателя может соотноситься с событиями недавнего сталинского прошлого, когда люди пропадали без следа: *И мужик, купец и воин - попадал в дремучий лес, - Кто за чем: кто с перепояю, а кто сдуру в чащу лез. По причине попадали, без причины ли, - Только всех их и видали - словно сгнули. Страшно, аж жуть!*

Таким образом, внутритекстовая прецедентная ситуация в антисказках заполнена приметами и реалиями советского быта. Пересечение лексических групп позволяет автору создать уникальный хронотоп своих произведений – это соединение в одном тексте мифологических и советских пространственно-временных ориентиров. Финал произведений (в отличие от традиционных сказочных сюжетов) намеренно изменяется автором, как бы приспособляется к новым условиям. Используя фольклорные начала, Высоцкий не только обогащает язык своих текстов, но и выражает определенную идею через вековые представления русского народа, через его менталитет, который как нельзя лучше выражен в произведениях народного творчества.

4. Трансформация на уровне прецедентного высказывания.

Под прецедентным высказыванием мы, вслед за группой ученых, понимаем репродуцируемый продукт речемыслительной деятельности; законченную и самодостаточную единицу, которая может быть или не быть предикативной; сложный знак, сумма значений компонентов которого не равна его смыслу [6, с. 83].

Замечательным примером трансформации прецедентного высказывания из сказки является стихотворение «Странная сказка».

В стихотворении используется два оборота, которые являются прецедентными высказываниями, обозначающими особое сказочное пространство (*В тридевятом царстве, В тридесетом царстве*). Использование этих оборотов предполагает сказочную ситуацию. Текст строится как своеобразная загадка, разгадать которую должен читатель: обозначения сказочного пространства трансформируются в обозначения времени, причем числа передают достаточно точные даты (трижды девять двадцать семь; трижды десять тридцать). В этом сказочном пространстве и достаточно точном времени существуют два государства, которые при внешних различиях имеют очень много сходного. В частности, сходные ситуации

передаются фразами 1) *В тридевятом государстве <...> Все держалось на коварстве, Без проблем и без систем.* 2) *В тридесятом государстве <...> Тишь да гладь, да спокойствие там, Хоть король был отъявленный хам.* В соответствии с данными толкового словаря Д. Н. Ушакова [8], *Коварство* – это ‘наружная доброжелательность’ + ‘злость’ + ‘хитрость’, что, собственно, можно передать и описанием *Тишь да гладь, да спокойствие там, Хоть король был отъявленный хам.* Прямое указание на выход из пространства сказки содержится в трансформированном прецедентном высказывании *В триодиннадцатом царстве...* Можно предположить, что неологизм *триодиннадцатое* использован для того, чтобы передать какую-то информацию, важную для читателя. Числительное *Тридцать третий* в соседстве с существительными *милитарист* и *вандал* связаны с представлением о фашистской Германии, которая именно в тридцать третьем году получила неофициальное название *Третий рейх* и стала нацистской Германией. В контексте сказочного описания интересно, что слово *Reich* в немецком языке также употреблется мистически в значении «царство»: *Dein Reich komme* – «Да придет Царствие Твое» [9]. Именно эта информация заставляет читателя по-новому воспринимать описания соседних государств: *Нечем в двадцать седьмом воевать, А в тридцатом полководцы Все утоплены в колоде, И вассалы восстать норовят.* Здесь числительные выступают, скорее, не в темпоральном, а в локальном значении (государство двадцать семь, государство тридцать), но это не меняет восприятия соседнего (соседних) государств как Советского Союза 30-х годов, ведь именно в 1927 г. была разбита Объединенная оппозиция во главе с Троцким, Зиновьевым и Каменевым, именно 27 год определяют как отправную точку сталинских репрессий, которые в 1930-х гг. достигли кульминации. Здесь уместно вспомнить слова Маршала Советского Союза А.М. Василевского: «Без тридцати седьмого года, возможно, не было бы вообще войны в сорок первом году. В том, что Гитлер решился начать войну в сорок первом году, большую роль сыграла оценка той степени разгрома военных кадров, который у нас произошел» [10].

Таким образом, во внутритекстовой ситуации отражается ситуация внешняя – репрессии 30-х годов в Советском Союзе и агрессия гитлеровской германии. Информация о репрессиях была закрытой, поэтому для власти стихотворение Высоцкого было неудобным.

Итак, внутритекстовая ситуация, созданная поэтическим дискурсом В. С. Высоцкого, содержит подтекст, выступающий как антитеза государственной идеологии. Это доказывают и те параллели, которые намечены автором почти в каждой антисказке и которые выявляются при лингвистическом анализе текстов.

1. Сказочное государство, представления о котором складываются через негативно маркированную лексику, через номинации советских реалий и через четко обозначенный хронотоп произведений в поэтическом дискурсе В. С. Высоцкого, – Советский Союз.

2. Антигерои в сказочных текстах В. С. Высоцкого преимущественно олицетворяют высший состав управления государством в современном автору мире – это чиновники разных рангов, предстающие вниманию читателей как всякая нечисть. Герои сказочных текстов В. С. Высоцкого имеют те же имена, что и в знакомых всем сказках: *Соловей-разбойник*, *Змей Горыныч*, *ведьмы*, *кикимора*, *болотная*, *разбойники* и т.д., но действуют и, что особенно важно для нашего исследования, говорят персонажи «антисказок» по-своему, что переносит их из волшебного мира в XX век.

*Все взревели, как медведи:
"Натерпелась - сколько лет!
Ведьмы мы али не ведьмы,
Патриоты али нет?!"*

3. И последняя, как нам кажется, наиболее завуалированная, параллель в поэтическом дискурсе В.С.Высоцкого касается высшего правителя сказочно-реального мира. В текстах высший правитель может называться *Соловьем-разбойником*, *Королем* или же просто *Дурачиной*, причем это имя прямо соотносится с реальным руководителем партии – Н. С. Хрущевым, что выражено самим В.С. Высоцким в посвящении к стихотворению «Дурачина-простофиля».

И сказки, и фантастические песни тесно связаны с темой политики. Политическая тематика сопровождается у Высоцкого в первую очередь сатирической насмешкой и широким применением приема иронии. Тексты-антисказки в творчестве В. С. Высоцкого занимают особое место не только за счет необыкновенной живости языка, но и в плане выражения одной из главных идей творчества – показ положения в родной стране вне идеологических канонов. По нашему мнению, именно этот момент возможности выйти за рамки традиции и привлечь

В.С.Высоцкого, ведь главное в тексте автора – не строгое следование литературному канону, а, наоборот, неожиданный поворот действия.

Список литературы

1. Краевская Н. М. Ситуация как фактор дифференциации типов устной речи // Лингвостилистические особенности научного текста. – М.: Наука, 1981. – С. 113 – 131.
2. Чумак-Жунь И. И. Поэтический текст в русском лирическом дискурсе конца XVIII-начала XXI веков. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2009. – 243 с.
3. Долинин К. А. Стилистика французского языка. – М.: Просвещение, 1983. – 32 с.
4. Пинежанинова Н. Референциальная парадигма в поэтическом высказывании. – Режим доступа: <http://do.gendocs.ru/docs/index-8980.html?page=5>.
5. Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1986. – 364 с.
6. Красных В. В., Гудков Д. Б., Захаренко И. В., Багаева Д. В. Прецедентные феномены в лингвистике // Язык, сознание, коммуникация. – Вып. 1. – М.: Филология, 1997. – С. 82 – 103.
7. Об отношении рабочей партии к религии (13 (26) мая 1909 г.) // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. – М.: Издательство политической литературы, 1964–1981. – Т. 17. – С. 416 – 418.
8. Большой толковый словарь русского языка под ред. Д.Н. Ушакова. – Режим доступа: <http://ushdict.narod.ru/134/w40237.htm>.
9. Третий Рейх. Материал из Википедии – Свободной Энциклопедии. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A2%D1%80%D0%B5%D1%82%D0%B8%D0%B9_%D1%80%D0%B5%D0%B9%D1%85.
10. Сталин и Гитлер в сорок первом // Новая газета. – 2011. – № 66. – Режим доступа: <http://www.novayagazeta.ru/society/47605.html>.

TRANSFORMATION OF PRECEDENT PHENOMENA IN V. S. VYSOTSKY'S «ANTI-FAIRY TALES» AS ONE OF WAYS OF ART REFLECTION OF «THE SOVIET REALITY»

I. I. Chumak-Zhun
D. A. Popkova

*Belgorod National
Research University*

e-mail:
Chumak@edu.bsu.ru
Dashuni444ka@mail.ru

The article considers the essence of the conflict of a discourse of the power and V. S. Vysotsky's poetic discourse. The analysis of the intratext situations presented in fairy tales of the poet, gives the grounds to claim that in fairy tales (anti-fairy tales) of V. S. Vysotsky a peculiar projection of an external political situation to a situation intratext is realized. The linguistic transformations of case «fantastic» phenomena are one of ways of critical reflection of the Soviet reality.

Keywords: poetic discourse, intratext situation, anti-fairy tale, precedent phenomena.